

Джон проснулся от громкого жужжания кофемолки родителей, что было верным признаком того, что они проснулись и начинали свой день. Его мама, Сьюзен, любила вставать рано и выпить чашку кофе, прежде чем разбудить его и сестру. Этот шум стал приятным напоминанием того, что скоро ему придется встать с постели, но еще была возможность закрыть глаза и немного подремать.

Хотя, это было Рождественское утро, и у него не было ни малейшего желания спать. Он вскочил с кровати, натянул боксеры, которые лишь частично прикрывали длину его утренней эрекции. Проверив, чтоб никого не было в коридоре, он быстро пошел к ванной, где был в безопасности.

Опустошив свой полный мочевой пузырь, он запрыгнул в душ. У него были каникулы на неделю и была привычка дрочить в душе, когда просыпался. Хотя, это было Рождественское утро, так что он решил отказаться от этого ритуала. Даже в свои 19, очарование

Рождественскими подарками по-прежнему заполняло его чувством волнения и срочности.

Его отец, Билл, был профессором в местном университете и зарабатывал достаточно денег, чтоб позволить жене сидеть дома и воспитывать сына и дочь. Родители не скупились, когда дело доходило до Рождественских подарков. Для него не было редкостью получать почти все, что имел в списке и он надеялся, что этот год не будет отличаться. Он пошел вниз по лестнице с волнением, прежде чем резко затормозил, вспомнив о другой части Рождественской традиции семьи Гамильтон.

Подарки были захватывающими, но они доставались с болезненной оплатой. Каждый год, родители настаивали на том, чтоб они делали семейный портрет перед елкой. Джон никогда не возражал позировать для фото, но это никогда не было так просто.

Традиция началась, когда Джон и его младшая сестра Эмми, еще были малышами. Их родители каждый год обменивались Рождественскими портретами с братом Сьюзан, Крейгом и его женой Салли. Со временем, портреты стали своего рода соревнованием, чтоб увидеть, кто мог придумать наиболее ослепительный; с интересными свитерами, украшениями и костюмами, что только могли придумать. Будучи моложе, Джон с Эмми наслаждались так наряжаться каждое утро, но когда ему стало 19-ть, а ей 18-ть, они обнаружили, что этот ритуал был сильно унижительным.

Пробиравшись на кухню, Джон задумался, какие кричащие наряды его родителя наденут в этом году. Он удивился, завернувши за угол и увидев, что они сидят за кухонным столом помешивая кофе в простых, белых халатах.

— Что такое? — спросил он, — разве в этом году мы не будем делать семейный портрет? — он знал, что шансы были невелики, но спросить стоило.

— И тебе доброе утро! — ответила мама, не обращая внимание на его вопрос. Она сонно прикрыла зевок, а затем одарила его теплой, может немного саркастической, улыбкой.

Но Джон чувствовал странность, что они были одеты в халаты, вместо обычной одежды. Он не мог вспомнить время, чтоб они одевались дома так небрежно.

— Нуу, тоесть... С Рождеством! — сказал он, слегка отойдя.

— И тебя с Рождеством, — ответили они, в свою очередь улыбаясь, когда он налил чашку кофе. Когда мама вставала, чтоб обнять его и поцеловать в щеку, он нечаянно обнаружил

бледную, веснушчатую кожу, верхней части ее груди. Джон не мог с собой ничего поделаться — его глаза метнулись вниз, прежде чем он виновато поднял голову назад вверх к ее улыбающемуся лицу. Она, казалось, не заметила его взгляда. Когда она обняла его, он понял, что ему интересно, во что мама была одета под халатом. Тем не мене, прежде чем его воображение вырвалось на волю, она отпустила его и снова села за стол с отцом.

— И отвечая на твой предыдущий вопрос, — сказал Билл, делая еще один глоток кофе и приглушено улыбаясь Джону и Сьюзан, — да, в этом году мы будем опять делать семейный портрет, но ты удивишься, этот опыт может принести намного более наслаждения, чем прошлогодний, — они каждый год делали такое заявление, но это никогда не было правдой. Джон мысленно приготовился к искренним объяснением того, как много будет удовольствия одеваться как эльфы Санта-Клауса или еще как-то, унижаясь даже хуже.

— Конечно, как всегда уверен, — сказал он, даже не пытаясь скрыть свое недоверие, — значит, мне тоже нужно надеть халат? — они нервно хихикнули и обменялись многозначительными взглядами. Они явно хотели что-то сказать, но не хотели только ему одному.

Сьюзан откашлялась.

— Подожди пока Эмми придет на завтрак, и мы об этом поговорим, — сказала она.

Почувствовав, что больше ответов не будет, он решил сесть. В течении нескольких долгих минут, они сидели, потягивали кофе и ждали. Сьюзен и Билл продолжали кидать взгляды друг на друга, и на сына тоже. Его мама, казалось, была с вечным румянцем, а отец непрерывно подергивал ногой, пока не спускал сосредоточенных глаз с лестницы.

Почему они так нервничали? — спросил он себя. Хотя родители и относились серьезно к Рождественскому портрету, но всегда это делали с большим радостным удовольствием. Хотя в этом году казалось иначе. Может нам таки не нужно будет его делать в этом году, — подумал он, позволяя возродиться крошечной надежде.

Пока он ждал и пытался понять что происходит, его глаза снова привлекла мама. Она сидела перед ним со скрещенными ногами, обнажая совсем немного гладкой внутренней поверхности бедра. Выше, открытие халата показывало небольшой намек на ложбинку между грудями, что было достаточно для Джона, чтоб задуматься, была ли она голая под халатом. Вдруг его осенило, что она на самом деле она была весьма сексуальной.

У Сьюзан были темно-рыжие волосы с бледной, веснушчатой соответствующей кожей. Она только недавно отметила свое 40-калетие, но совсем не было видно, чтоб годы брали свое. Она все еще каждый день много ходила по округе и регулярно посещала спортзал. Хотя у нее уже не было 20-тилетнего тела, но ей все еще удавалось обращать на себя много взглядов.

Боже, что со мной не так? — спросил он себя, вдруг чувствуя вину, что глазет на маму, будто она была студенткой из его колледжа.

Его ход мыслей был прерван звуком ног Эмми, спускающейся вниз по лестнице. Она была так рада, что чуть не поскользнулась на паркете, сумев удержаться, хватаясь за прилавок. Откинув свои растрепанные волосы с лица, она сверкнула тупой наивной улыбкой, которая была полностью свободна от смущения.

— Ух, чуть не грохнулась! — сказала она. Беззаботное отношение Эмми было одно из многих вещей, что Джон любил в сестре.

Их семья часто переезжала в свои молодые годы. В результате, Джон с Эмми стали намного ближе, чем многие братья и сестры их возраста. Несмотря на то, что Джон учился на первом

курсе в колледже, а Эмми все еще была в школе, они считали друг друга лучшими друзьями и разговаривали почти каждый день.

Эмми была поздно созревающим ребенком и немного сорванцом. Она ненавидела все девчачие вещи и имела тенденцию подражать брату в выборе моды, предпочитая джинсы и футболку, вместо юбок и блузок. В отличие от Джона, который был тихим и сдержанным, Эмми была общительная и легко возбудимая. Всякий раз, когда они двое попадали в неприятности делая что-то неправильное, как правило, в конечном итоге выяснялось что это была идея Эмми.

Эмми была маминой дочкой. У них были те же зеленые глаза, яркие улыбки и худощавые телосложение. Хотя в отличие от мамы, веснушки Эмми были ограничены только на небольшом участке носа, и она была блондинкой со светло-медовыми волосами. Ее маленькое милое лицо неизбежно заставляло незнакомцев предполагать, что она была гораздо моложе своих 18-ти лет, так что она всегда пыталась этому противостоять своей дерзкой, общительной личностью.

Несмотря на почти падение, ей удалось снять напряжение в комнате, к большому облегчению родителей.

— Эй, что это за фишка с халатами? — спросила она, замечая необычное состояние в одежде родителей, — мы будем делать что-то другое для портрета в этом году?

— Да ребят, выкладывайте что происходит! — добавил Джон, рад что Эмми его поддержала, — что с халатами, и когда мы уже сделаем портрет и сможем открыть подарки? — Не спешите, — сказала Сьюзен с понимающей усмешкой. Само появление в комнате Эмми, казалось, значительно освещало настроение, — обещаю, до подарков мы доберемся, но сначала я хочу, чтоб мы все сели и посмотрели на Рождественский портрет вашего дяди Крейга и тети Салли. Джон и Эмми выпустили драматические стоны разочарования.

— Вы не можете нам это позже показать? — умоляла Эмми.

— Без шансов. Кто знает, может в этом году вы даже этим насладитесь, — ответила Сьюзен с загадочной улыбкой.

Смирившись со своей судьбой, Джон и Эмми последовали за родителями в гостиную и сели перед телевизором. Перед тем, как присоединиться к остальной части на диване, Билл подключил свой ноутбук к телевизору и загрузил портрет.

На экране телевизора появилось изображение брата Сьюзен, Крейга, и его жены Салли, стоя сзади их сидящий на коленях детей, Дженни и Стива, все четверо лучезарно улыбались. Однако, в отличие от портрета прошлых лет, они все были одеты в халаты, как и Сьюзен с Биллом.

— Отлично... еще ванная одежда, — сказала Эмми, явно не впечатлившись.

— Продолжай смотреть. Там есть больше, — сказал Билл.

На следующей слайде была только Салли со своей 20-тилетней дочерью Дженни. Они стояли лицом к камере в халатах. Как и на предыдущем фото, это казался обычный портрет мамы дочери, но в их улыбках было что-то необычное, что Джон аж не мог сидеть спокойно на месте.

Одним щелчком мышки, Билл переключил на следующий слайд. Изображение, что их приветствовало, было совсем другое, чем Джон и Эмми когда-то видели. Халат тети Салли был раскрыт до талии, полностью показывая ее большие, свисающие груди на камеру.

Дженни нагнулась рядом с мамой, жадно присосавшись к одному из ее толстых коричневых

сосков. Другая грудь Салли спокойно свисала с груди. В ее 41 год, сила тяжести начала сказываться на больших сиськах тети, но для ее дочери это, казалось, не имело значение, она, казалось, очень хорошо проводила время.

Сердце Джона екнуло и ему потребовали некоторое время, чтоб впитать то что увидел. Он услышал, как сестра задохнулась в удивлении рядом с ним, но он не смог оторвать глаза от экрана, чтоб посмотреть на ее реакцию. Вид, как кузина жадно сосет голую грудь своей мамы, был определенно самой сексуальной вещью, что он видел. А тот факт, что эти две женщины были ему родственницами, его так восхитил, что он не мог это понять или объяснить. Прежде чем он понял, его член до боли напрягся в штанах.

Мышка кликнута еще раз и слайд поменялся на другой. На новом были все 4-ро членов семьи. понять, почему он был всегда один. Она давно смирилась с тем, что ее фантазии о нем никогда не сбудутся, но сообщение родителей заставило ее задуматься, может есть еще щепка надежды, в конце концов. Она надеялась, что не испортит все своей глупой шуткой.

— Все нормально, — ответил Джон. Несмотря на свое первоначальное смущение, он решил принять тот факт, что его эрекция никуда не пропадет. Как только родители объявили о своих намерениях, он не знал, как ее опустить. Мысль о том, что есть шанс трахнуть свою тетю и кузину, а может даже маму и сестру была слишком захватывающей, чтоб отвергнуть ее. Хотя, у него были некоторые вопросы.

— Как бы ни странно было это говорить в слух, Эмми права. Я определенно заинтересован, — признался он, заметив, что мама воспрянула духом и улыбнулась ему, — но... что это будет означать для нас четырех?

— Будет означать, все что мы хотим, — сказал Билл, — мы с мамой очень заинтересованы, поэтому этот дом будет сексуально открытым. Если хочешь сделать с кем-то что-то, просто спроси. Если партнер согласен, не стесняйтесь получать удовольствие. Мы много об этом разговаривали, и идея трахаться и получать трах от вас двоих, даже мысленно нас завела больше, чем что-либо в жизни.

Джон бросил вопросительный взгляд на маму, чтоб подтвердить, что и она согласна со всем этим. Она улыбнулась ему и кивнула.

— Твой отец прав. Сынок, ты можешь делать со мной все, что захочешь. Все что нужно, это просто спросить, — Сьюзен корчилась на стуле, пока говорила, пытаясь как-то стимулировать свою перегретую киску. Запрещенные острые ощущение от предложения своего тела сыну, делало ее невероятно горячей. Только молчание дочери сдерживало ее от открытие халата и использования пальцев, чтоб дать себе некоторое облегчение.

Сердце Джона дико забилося в груди. Он не мог вспомнить, когда был так заведен. Его мама предлагала себя для секса и отец не только об этом знал, но еще и поощрял.

— Пап, ты действительно нормально относишься к этому? — спросил он, обращаясь к отцу, все еще не веря, что это было возможно.

— Полностью, — ответил Билл с убеждением, улыбаясь от явного восхищения сына, — на самом деле, если ты готов, одна из самых больших желаний мамы, чтоб мы вместе, одновременно ее трахнули, — сердце Джона екнуло, когда он представил образ голой мамы, зажатой между ним и отцом, — пока мы все будем открыты и честны о том, что происходит, я не вижу поводов для ревности. К тому же, она же не бросит меня из-за тебя или Эмми.

При упоминании о сестру, Джон понял, что Эмми уже какое-то время молчит. У нее был ошеломленный, задумчивый взгляд на лице, когда она пыталась впитать все, что произошло.

Он не мог не восхититься ее красотой, миниатюрным строением, маленьким вздернутым носиком и слегка изогнутой улыбкой, что давало ей естественный, молодой и невинный вид, который резко контрастировал с бурной личностью. К ее огорчению, люди часто думали, что она гораздо моложе своих 18-ти лет.

Джон любил сестру больше, чем кого-либо. Он не был уверен, какую сторону она выберет, но знал, что несмотря на огромное возбуждение, он не сможет принять предложение родителей, если Эмми его не примет. Он не мог перестать думать о том, что есть вероятность что она может отказать.

— Сестренка, а ты что думаешь? — спросил он.

Эмми вдруг стало неудобно, что наступила ее очередь сидеть на раскаленной сковороде.

— Думаю, что это все звучит очень интересно. Хотя, я нервничаю... — после минутного колебания, она сказала, — я знаю, что много говорю, но если честно, у меня совсем нет сексуального опыта.

— И у меня, — неохотно признался Джон.

— Мы с папой с удовольствием вас всему научим, — сказала Сьюзен, соблазнительно им улыбаясь. Обращаясь прямо к дочери, она сказала, — твой отец был у меня первым и это было удивительно. И поверь, с годами он стал только лучше.

Теперь настала очередь краснеть Эмми. Она всегда фантазировала о том, как Джон лишает ее девственности, но она должна была признать, что было что-то привлекательное в идеи позволить это сделать отцу. Новая волна влаги затопила ее трусики, когда она представила, как расставляет ноги для папы и позволяет взять себя. Это было так ужасно и неправильно и одновременно так сильно захватывающее. В тот момент она поняла, что также хочет стать частью этого.

— Ммм, звучит хорошо, — сказала она, скромно улыбаясь папе, — я за, — ее ответ вызвал вздохи облегчения у остальной части семьи.

В течении нескольких долгих моментов, все сидели в тишине, впитывая тот факт, что они действительно собираются это сделать. Несмотря на возбуждение, казалось, никто не готов сделать первый шаг.

И наконец, Джон заговорил.

— Так что же нам теперь делать? — спросил он, нарушая тишину.

— Все что хотим, — ответила Сьюзен, — может ты хочешь что-то сделать... со мной?

Джон был в полной растерянности слов и просто безмолвно смотрел на нее. Существовало тысяча вещей, который он хотел сделать с мамой, но сформировать эти мысли в слова было не легко. Тот факт, что отец и сестра были там и смотрели, заставило его только более нервничать.

Сьюзен почувствовала, что необходимо брать инициативу на себя.

— Я знаю, по крайней мере, одну вещь, которую хотела б сделать, — смотря прямо на его промежность, она сказала, — мои глаза все утро проводят на этом твердом члене. Не против, если я тебе дам некоторое облегчение?

Она отчаянно хотела увидеть, что скрывается под палаткой его штанов. Когда Джон застенчиво кивнул, она встала из кресла, подошла к нему, подняла с дивана и близко прижалась.

Джон сильно нервничал. Он чувствовал тепло ее тела рядом, но понятия не имел, что она ожидает от него. Он знал, что она его хотела, и он хотел ее, но это было так противно и

неправильно, касаться собственной матери в сексуальном плане, пока отец сидел рядом и смотрел. В результате все, что он мог делать, это смотреть на свои ноги.

— Посмотри на меня, — сказала его мама, чувствуя нерешительность сына. Она улыбнулась, когда их глаза встретились, — тебе не нужно волноваться, — сказала она, — я очень долго этого хотела. Я хочу с тобой делать все. Я хочу чувствовать твой твердый член на моей коже. Я хочу коснуться к нему, погладить, пососать и больше всего, я хочу почувствовать, как он скользит в моей киске. Меня так заводит просто думать о том, как ты меня трахаешь своим большим, твердым членом, — пока говорила, Сюзен нежно ласкала бедра сына, медленно двигаясь к выпуклости между его ног. Когда она достигла своей цели, она нежно погладила очертание вала, не прекращая зрительный контакт с сыном и улыбаясь его загнипнотизированному взгляду на лице.

Джон все утро был на грани, и касание матери было последней каплей для начала его оргазма. Застонав, со смесью смущения и возбуждения, он содрогнулся в интенсивном оргазме. Сьюен гладила его через брюки, почти кончая сама, когда смотрела, как его глаза закатились и почувствовала, как дергается его вал, заполняя штаны горячей спермой.

Когда Джон, наконец, вернулся на землю, его первым инстинктом было стеснение. Он вовсе не так представлял свой первый сексуальный опыт с женщиной. Он хотел сразу убежать в свою комнату и спрятаться, но когда увидел возбужденную улыбку на лице мамы, немного успокоился.

— Лучше? — спросила она.

Джон застенчиво улыбнулся ей и кивнул.

— Извини, что так быстро кончил, — сказал он, — я никогда... — он колебался, — ко мне раньше так никто не касался.

— Не извиняйся, — ответила она, — ты не представляешь, как меня это завело, зная что мой родной сын может кончить в штаны только от мысли о трахе такой старушки, как я.

— Ты не старая, мам! — запротестовал он, — ты самая сексуальная женщина, которую я видел. Просто мне жаль, что мне потребовалось так много времени, чтоб это осознать, — прежде, чем он мог сказать еще хоть слово, она наклонилась и поцеловала его.

Продолжение следует